

НИКИТА
БОГОСЛОВСКИЙ

фото В. Владимира С. ВОРОВА

Виз. клуб - 2000. - 9 марта - с. 15.

"БОНДАРЕНКО ОТВЕТИТ ЗА ВСЁ!"

За свою довольно долгую творческую жизнь я всего два раза побывал в ЦК ВЛКСМ

Телефонный звонок разбудил меня в 8 часов утра (я ложусь и встаю очень поздно). Бодрый молодой голос сообщил:

— Добрый день, уважаемый Никита Владимирович! ЦК комсомола вас приветствует! Как творческие дела? Как здоровье? Как семья? — и тут же, не дожидаясь ответа: — Я звоню вам по поручению нашего первого секретаря, Николая Александровича. Он очень просит вас, именно вас, приехать сегодня к нам на встречу с комсомольским отрядом, уезжающим на ударную стройку в Сибирь (потом я узнал, что до этого трое моих коллег по разным причинам отказались от аналогичных приглашений). — Все ребята вас очень ждут. Машина с нашим товарищем будет у вашего подъезда в 15 часов. Начало встречи ровно в 15.20. Это ненадолго, всего на полчаса.

Преисполненный уважения к этой организации и польщенный личной просьбой Первого, я ровно в 15 часов был внизу. Прождал полчаса (замерз, зима). Вернулся домой. Еще минут через десять позвонила на этот раз уже женщина, что-то смутно бормоча насчет поломки машины и гневно обещавшая: "Бондаренко ответит за всё!"

Короче говоря, в 16 часов я с трудом нашел посланную за мной машину, стоящую за три подъезда от моего и не с тем номером, который мне был точно продиктован. Никакого "сопровождающего товарища" там не было.

В ЦК меня никто не встречал, охранник без пропуска не пустил, а в бюро пропусков моей фамилии не имелось.

С трудом дозвонившись по внутреннему телефону до пригласившего меня товарища, также сообщившего, что "Бондаренко ответит за всё!", я, наконец, дождался какой-то мрачной девицы, проводившей меня наверх и оста-

вившей одного в небольшом кабинете. На столе валялось в беспорядке несколько папок, на одной из них я заметил гриф "Секретно".

В течение долгого времени я несколько раз выглядывал в коридор, но пробегавшие мимо молодые (и не очень) лица обоего пола не обращали на меня никакого внимания. Только какой-то юноша, заглянув в кабинет, не поздоровавшись, спросил: "Бондаренко не появлялся?" — и тут же скрылся.

Еще минут через двадцать появился солидный лысый мужчина и таинственно поманил меня пальцем. Мы вышли в коридор и оказались в большой толпе разного возраста деятелей, чем-то неуловимо друг на друга похожих. Раздался взволнованный шепот: "Идет! Идет!" и все присутствовавшие (увы, и я тоже) выстроились в цепочку по обеим сторонам коридора. Потом все почтительно замолкли и в коридоре, наконец, появился Первый. Николай Александрович медленно и важно шагал, орлиным взором на ходу оглядывая застывших у стен подчиненных. За ним трусил стайка ближайших соратников, сгруппировавшихся явно по ранжиру. Было отчетливо заметно, что все они появились после интенсивного обеда.

Николай Александрович, заметив меня в "линейке", крайне удивился.

"А вы сюда как попали?" — поинтересовался он. Я был с ним знаком раньше, пытался что-то объяснить: я, дескать, по вашему, личному, — но он, не дослушав, приветливо кивнул и проследовал в зал, где уже сидела небольшая группа молодых ребят и девушек, недолгая длительным ожиданием.

При появлении Первого все, как школьники перед педагогом, встали и сели опять после разрешающего жеста.

На сцену вышел молодой кудрявый паренек и, объявив о нашей встрече, назвал меня правильно по имени-отчеству, но фамилию заменил на "Богуславский".

В зале раздалось недовольное гудение, поскольку у моем выступлении никто не знал, а ребятам после долгого и нудного собрания был обещан кинофильм "Тарзан". Но потом все наладилось, обошлось, и встреча, как говорится, прошла в "теплой и дружеской атмосфере".

Надо сказать, что сразу после объявления моей искаженной фамилии Первый поднялся, мило передо мной извинился и, сославшись на неотложную встречу "в самых верхах", покинул помещение в сопровождении всех своих соратников, которые, я думаю, к предстоящему важному свиданию вряд ли были причастны.

Машины — чтобы вернуться домой после встречи, — естественно, не оказалось, и под привычные выкрики "Бондаренко ответит за всё!" я отбыл из ЦК своим ходом.

Через несколько дней я получил от ЦК благодарность за проделанную работу по поднятию духовных сил советской молодежи. Мое отчество и фамилия были правильными, но после слова "уважаемый" стояло не Никита, а Николай. Подписана благодарность была не Первым — неразборчивая подпись напоминала фамилию "Бондаренко".

Второй раз все произошло почти совершенно так же, но Первого звали уже не Николай Александрович, а Евгений Михайлович. А звонок был тоже в 8 утра, но накануне встречи.

Наученный предыдущим опытом, я приехал в ЦК самостоятельно. Пропуска, конечно, не было. Но мне удалось все же проникнуть в здание после долгих

объяснений и предъявления корреспондентского удостоверения "Комсомольской правды" с многозначительным штампом "пожизненно".

Меня провели в тот же кабинет. Но на столе уже не было папки с грифом "Секретно", видимо, бдительность в ЦК повысилась. Впрочем, дальше было все как в прошлый раз. Длительное ожидание в одиночестве, торопливый призыв, шеренги по коридорным стенкам, удивление Евгения Михайловича, увидевшего меня здесь по "его лично приглашению" (на этот раз я у стенки не стоял, а смело прошел к нему навстречу). Недовольное гудение аудитории, одетой в странную форму, напоминающую мундиры бельгийских летчиков, объяснялось тем, что им ранее был обещан Аркадий Райкин. А меня, как и в прошлый раз, никто из них не звал и не ждал.

При объявлении моего выступления фамилия и имя были названы правильно. Неточность была только в отчестве — я стал "Сергеевичем". На мою реплику, что, дескать, "Никита Сергеевич писал ноты, а я музыку" — никакой реакции не последовало. Но, в общем, все опять обошлось вполне достойно. Обратной машины мне никто и не предлагал, я же заранее себя обеспечил. Не было также гневных выкриков "Бондаренко ответит за всё" — к этому времени эту таинственную личность либо изгнали за нерадивость, либо послали куда-нибудь секретарем Обкома, а то и послом в развивающуюся страну. А Евгений Михайлович удалился не сразу после объявления моего выступления, а минут через пять без объяснения причин. И вся его свита за ним.

После этого визита я долго не отвечал на телефонные звонки, раздававшиеся ранним утром...